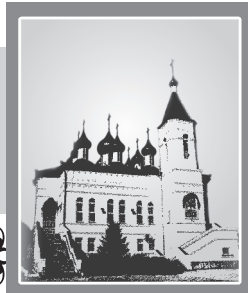

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Протоиерей
Андрей Ткачев

«Умеешь побеждать, Ганнибал, но не умеешь пользоваться

победой». Так говорили римляне о заклятом своим враге и гении войны – Ганнибале Карфагенском. Тот, как известно, сражения выигрывал, и при Каннах нанес Риму неслыханное поражение, и вообще покрыв себя славой великого полководца, но... Войну Риму все же проиграл, потому и дал повод для подобных пословиц. И сказанное о нем не его одного касается. Можно выигрывать сражения и проигрывать войну. Можно выиграть войну, но бездарно распорядиться плодами победы. И далее вглубь жизни по нисходящей линии: жениться, но не создать прочную семью; выучиться, но никогда не пользоваться полученными знаниями; построить дом, но не обжить его. Список велик. И нам, как людям верующим, интересна такая ситуация: человек в Церковь пришел, но в Церкви не остался. Вымыло человека из Церкви, выбросило, словно пробку из шампанского. Это случается сплошь и рядом. И у этого явления есть масса субъективных характеристик, знать которые мы не в силах, следовательно – оценивать не вправе. Но у этого явления есть и стандартные черты, которые можно описывать и наносить на карту местности в качестве заминированной территории. Итак, по какому минному полю, или шире – полям, ходить не стоит, ступив на землю Церкви?

Дурная эсхатология

Немало людей вошли в церковную ограду с тревогой о конце света. Это не предсудительно и даже неизбежно. Сама вера наша устремлена к будущему веку, то есть видит конец века нынешнего. Христос, как пишет апостол Павел, «когда пришла полнота времени... родился от жены и подчинился закону» (Гал. 4, 4). Полнота наступила с момента Рождества, и под знаком ожидаемого конца проходит вся история человечества. Более того, именно когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда-то и близок конец (см.: 1 Фес. 5, 3). То есть когда ожидание конца и ощущение его близости отойдет, придет на их место ложная уверенность в стабильности – тогда близок конец. Но сказанное как раз означает, что в отношении конца времен христиане должны быть, я бы сказал, напряженно-спокойны. Они не должны быть взвинченны и нервозны. Именно взвинченность и нервозность характерна для некоторых недавно пришедших, недавно воцерковившихся. Они не знакомы с историей. Им кажется, что

сегодняшние события совершенно уникальны, тогда как на деле все уже было не раз: и массовая тревога,

и ропот против церковной власти, и умножившиеся грехи, и беды, вплоть до не погребенных трупов вдоль дорог. И все это повторяется в духе, меняясь лишь в пропорциях и количествах, до тех пор, пока не протрубит последняя Архангельская труба. И о дне и часе том нам заповедано даже не испытывать, но в целом вести жизнь бодренно.

Эсхатологическая взвинченность опасна с нескольких сторон. Во-первых, те, кто не разделяет крайних взглядов, кажутся «ожидателю конца света» либо изменниками, либо людьми мирского духа. Ревностный язык не щадит тогда и патриарха с митрополитами, и духовников в монастырях и приходских храмах. Всюду мнитесь если и не заговор, то по крайней мере непростительное охлаждение. Дружественные связи рвутся. Из всех тем для разговоров остаются только темы масонов, кодов, знаков и близкого суда. Не только радость, но элементарное спокойствие уходит из жизни. И можно смело считать «закодированным» человека, всюду говорящего только на тему кодов. А каково разочарование «ожидателя», когда Суд медлит и времена оттягиваются! На Самого Господа, думаю, некоторые злятся, что Он не спешит прийти. Огорчаются, как Иона, даром ждущий разрушения Ниневии. И как было уже в истории, как бывает и на наших глазах. Ждавшие, но не дождавшиеся конца христиане склонны вместе с потерянной надеждой на скорое завершение истории утратить саму веру. Времена напряженного ожидания Суда часто сменяются временами плотского разгула, скепсиса, словно компенсирующего былые эсхатологические лишения и ожидания.

Вывод: не стоит строить всю веру и все мировоззрение на одном лишь только последнем члене Символа веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века». Стоит помнить о конце всегда. Но не стоит мыслями о конце вытеснять из жизни всякую радость, всякое творчество, всякую простоту и легкость, без которых жизнь может стать невыносимой независимо от близкого прихода или неприхода Антихриста.

Церковная изнанка. «Слишком человеческий аспект»

В храм можно войти главными, западными дверями, но служителям можно и через пономарку. Так и театр для зрителей начинается с вешалки, но для работников и

артистов – с черного или служебного входа. Всюду есть возможность заходить не с улицы и открыто, но как-то и где-то вместе с «избранными». В отношении Церкви имеется в виду «естественное» для падшего человека стремление завязывать знакомства, обрести связи, гордиться близостью к тем или иным церковным деятелям и иерархам. «Я знаю», «я был», «мы общались», «мы вместе ездили»... Все это слишком по-человечески, и не стоило бы на этом акцентировать внимание, если бы не опасности, скрытые в явлении. Странно, но факт: можно так сильно обрасти «знанием» разных людей Церкви, что знание главного Человека Церкви – Иисуса Христа – отойдет на задний план. То, в чем Павел упрекал коринфян («я Павлов, я Аполлосов, я Кифин», – говорили они. – см.: 1 Кор. 1, 12), существует в виде реального соблазна и для всякого из нас. С одним епископом ездил в паломничество, с другим архимандритом сидел за столом на празднике, у того духовника был в келье, и вот уже началось «священное накопительство» знакомств и воспоминаний. Это потом можно будет пересказывать с видом знатока, это можно будет вменить себе в тайную заслугу. А ведь единственное, что имеет подлинную цену, – это знание Иисуса Христа как Главы Церкви и своего Спасителя. Все остальное – инструментальный для этого познания.

Дальнейшие опасности парадоксальны. От любви до ненависти, как известно, один шаг. Ровно столько же и от страстного восхищения и обожания до вражды и ненависти. Чрезмерная близость к человеку опасна угрозой резкого разрыва с человеком. У англичан есть поговорка: «Ближе знаешь – меньше чтишь». Отсутствие некоторой необходимой отстраненности от старца, духовника, священника, епископа опасно. Опасна эта не в меру сократившаяся дистанция именно человеческого (страстного) отношением к носителю сана. Она грозит превратиться в явление просто человеческого, слишком человеческого, а значит, по сути прелюбодейное (не в смысле непременно плотского греха, но в смысле измены Господу, что есть на языке аскетики – прелюбодеяние). И если кто-то из нас начнет искать абсолютную святость в мире церковных людей, он может спровоцировать катастрофу в своей духовной жизни. Мы можем забыть литургический возглас: «Един Свят, един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь». Христос – Единный Безгрешный. В этом смысле слова «Един Свят» – это не просто возглас службы, но руководящий принцип мышления.

Продолжение следует

Душеполезные поучения

«Для человека создал Бог небо, украшенное звездами, для человека создал Он землю, – и люди возделывают ее для себя. Не чувствующие такого Божия промысла – несмысленны душой» (Прп. Антоний Великий, ок. 251-356).

«Если бы кто тебя от временного бедствия и смерти избавил, и избавил бы не чем иным, как своим бедствием и страданием добровольным, скажи, пожалуйста, как бы ты его любил, почитал, имя его, как благодетеля своего, везде с любовью и почитанием поминал? Не все ли бы ты делал, что он хочет? Бесспорна эта истина. Если же веруешь, что Христос Сын Божий от бедствия и смерти, не временной, но вечной избавил, и избавил не серебром или золотом или иною какой тленной вещью, но страданием, Кровью и смертью Своей, и отворил тебе небесное вечное царствие, то как не будешь Его, столь высокого и великого Благодетеля, любить, почитать, благодарить от всего сердца и во всем Ему угождать?..

Все Божие, что ни имеем, кроме грехов.

Что живешь, что еще не погиб, что не низринут в ад, что можешь покаяться и спастись, – все это благодати Божией благодарно приписать должен ты. В чувство ли пришел ты и пребываешь в истинном покаении? Это дело благодати Божией. Пребываешь ли в нераскаянии и неисправлении? Это благодать Божия, что ты еще не погиб. Сатана наблюдает за всеми путями твоими, входами и исходами твоими, хочет поставить тебе преграду и душу твою неправую похитить у тебя и свести в ад, но благодать Божия еще не позволяет ему погубить тебя, еще терпит тебе, еще ожидает обращения твоего, ведет на покаяние тебя» (Свт. Тихон Задонский, 1724-1783).

«Если человек не обделен умственными способностями и с легкостью справляется с каким-то делом, то он должен повергаться перед Богом в прах, денно и нощно благодаря Его за то, что Бог дал ему ум и поэту, не устывая, он может справляться со своим делом. Не благодарить Бога да разве можно?!

Человек любочестный славит Бога даже в искушениях и потихонечку доходит до того, что постоянно благодарит Бога, так что в его душу приходит божественное измение, и он постоянно радуется и веселится. А у кого-то и искушений может не быть, одни благословения, а он никогда не доволен» (Прп. Паисий Святогорец, 1924-1994).

При совместной молитве с дорогим мне человеком у меня возникает чувство стеснения и неловкости. Стараемся отложить этот момент или просто не делать. Как это преодолеть, чтобы нам вдвоем научиться беседовать с Богом?

Привлеките к молитве кого-нибудь из ваших родственников, и тогда стеснение ослабнет. Молиться вместе не полезно в том случае, если между вами были такие отношения, образы которых могут всплывать в памяти во время молитвы и обездушивать ее.

У меня рак. Операцию делать уже поздно. Подскажите, как лучше подготовиться к концу, а также научите, как заниматься молитвой Иисусовой.

Бог может совершить чудо исцеления, но дает то, что полезнее для человека. На Афоне рак называют благословением, так как он дает возможность человеку подготовиться к переходу в лучшую жизнь. Наше приготовление – это покаяние, глубокая, полная исповедь, частое Причащение и Иисусова молитва. Говорите Иисусову молитву вслух, а когда устанете, то про себя. Обращайтесь к Богу, как малое дитя – к своему отцу. Терпение болезни с благодарностью – это уже половина спасения. Если возможно по условиям вашей жизни, то было бы хорошо принять монашеский постриг, и в ангельском чине уйти из этой жизни.

Как святой может одновременно слышать молитвы двух людей, находящихся в разных концах света?

Это сверхбыстрое перемещение или вездесущие святого как энергии в нашем ограниченном мире?

Бог – Всеведущ, а святые находятся в Духе Святом, и благодать дает им другую, новую емкость восприятия. Ведь само слово «обожение» означает участие в божественных совершенствах, при чем различие между Творцом и творением сохраняется всегда. У святых появляются сверхъестественные свойства, которые отчасти открывались здесь на земле, но несравненно в большей степени – по смерти. Поэтому святые слышат наши молитвы через благодать, которая пребывает во всем, проникает и содержит все, оставаясь выше времени и пространства.

Мой крестный покончил жизнь самоубийством. Как правильно и можно ли молиться за упокоевание его души?

Церковная молитва и возжигание свеч за самоубийцу в храме запрещено церковными правилами. А нарушение их может окончиться для вас тяжелыми искушениями. Думаю, что можно молитвенно желать некой милости к душе самоубийцы, например: «Господи, облегчи его участь, если возможно. Но да будет воля Твоя, и не прими такую молитву за дерзость».

Еще можно подавать милостыню за самоубийцу, но тайно – при этом не просить молиться о нем.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Новости Православия

25.09.2015. Боевики ИГ используют церкви как

камеры пыток для насильственного обращения в ислам. Появились новые свидетельства о том, что боевики «Исламского государства» сначала оскверняют христианские храмы, а затем превращают их в «камеры пыток», где христиан либо убивают, либо насильно обращают в ислам, пишет Breitbart.

29.09.2015. Болгарская Церковь: «Правительство больше не должно впускать беженцев в страну». На сайте Болгарской Патриархии опубликовано обращение Священного Синода Болгарской Церкви, сделанное в связи с прибытием в страну беженцев. Ситуация, напоминающая нашествие, ставит вопрос о том, «в какой духовной среде будет существовать православный болгарский народ, если этот поток продолжится до такой степени, когда будет нарушен существующий этнический баланс на территории Болгарии», – говорится в обращении.

29.09.2015. Высший суд Молдовы оправдал епископа Бельцкого Маркелла, обвиненного в дискриминации гомосексуалистов. Иск против епископа Маркелла подала одна из организаций, выступающих за либерализацию законодательства с целью расширения прав сексменьшинств. Она сочла дискриминационными высказывания епископа Маркелла, который на протяжении многих лет активно выступает против пропаганды содомии.

30.09.2015. Жители Молдавии больше всего доверяют Церкви. Об этом свидетельствуют данные соцопроса, проведенного центром социологических и маркетинговых исследований «CBS-AXA».

«Райские хутора» и другие рассказы священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в № 20 (308)

Алешины родители были тогда еще сравнительно молоды и любили друг друга. Но уже и в ту пору случались не лишние тревожности разговоры, в которых отец просил маму оставить работу и сидеть с детьми, чтобы наконец «образовался хоть какой-нибудь дом». Однако вздор, благополучно внушенный ей в юности, осенял все без исключения наиважнейшие ее шаги — просьбы отца наталкивались на возрастающее раздражение, и в конце концов семья развалилась... Когда-то, в семнадцатилетнем возрасте, отрезав косу и повыкидывая из дома родительские иконы, Алешина маменька решительно ступила на стезю деятельности яростной и многотрудной: на знамени, которое она гордо несла через всю жизнь, аршинными буквами было начертано «общественное» — для слова «личное» места не оставалось. Обстоятельство это стоило ей в конце пути сомнений и разочарований.

Но Анапа находилась ближе к середине пути, там отец еще был с ними. Однако если сценки семейной обыденности тех дней смотреть на просвет, знак разрушения угадывался в них, как угадывается водяной знак на ассигнации или марке.

Для чего же дням этим суждено было запомниться? Уж не для того ли, чтобы однажды обнаружить, что вся остальная жизнь умещается на них, как чашка на блюде? И вправду: утопленники открыли Алеше ненадежность и хрупкость телесного бытия и одарили неразгадаваемой тайной смерти. Ночные разговоры родителей завершились в некоторое время уходом отца, доброту и страдания которого Алексей сумел оценить только тогда, когда родителя уже не стало, после чего, уверяясь, что идет непроторенною тропой и творит нечто доселе не виданное, сын принялся с изумительною точностью повторять череду множественных отцовских ошибок...

Повторив, кажется, все ошибки, Алексей мог делать достаточно достоверные предположения о своей будущности. Путь в эту будущность, по его представлению, начинался с той давнишней поездки в Анапу. Развалины старинной усадьбы, триумфальная арочка и амфорные черепки столь трепетно изобразили прельстительность прошлого, что ушедшие времена сделались для него с тех пор в высшей степени притягательными, а люди ушедших времен словно бы заключили с ним родство. Наконец, руины трехэтажного дома, полусасыпанная песком баржа, саперы на «студебеккерах» — печать войны коснулась и его дней: и печать эта несмываема.

Обнаружив, что жизнь наша, сколько ни крутись, ни фантазируй, ни своеобразничай, легко умещается на пяточке раннего детства, он совершил благодатнейшее открытие, свет которого озарял с тех пор дни его и часы.

«Все — суета сует», — учит древняя мудрость. «Не надо дергаться», — говаривал приммерно о том же Алешин отец, отродясь не читавший церковных книжек.

Три главных счастья

Пригласили освятить дом в Женеве. Теперь такое случается: множество наших соотечественников разлетелось по всей земле в поисках лучшей доли. Вот и сестра нашего диакона — врач — улетела в Швейцарию. Дьякон давно уже уговаривал меня, а я все отказывался и, если выпадали свободные дни, отправлялся отдохнуть в деревню, но тут дал слабину.

— Знаю, — сказал дьякон, — что за граница вам до лампочки, знаю, но Швейцария — это не абы что, это — сердце Европы. А самое главное — сестру поддержать надо: нашла она там себе классного жениха — врач тоже, он влюбился, начал разводить с женой, и вот уже пять лет делают имущество и конца-края не видно... Адвокаты встречаются, ведут переговоры: то банковские проценты поменялись и чего-то там надо пересогласовать, то цена на недвижимость в одном месте возросла, в другом снизилась, и какое-то там несоответствие... Она ему, мол, брось ты все — по новой заработаем, а он не врубается: как так — это же мои деньги, мои дома! Короче, не русский человек — и все тут. А время идет: то ей было двадцать пять, а теперь — тридцать... Можем и порыбачить: там ведь и озеро есть Женевское, и речка небось какая-нибудь...

Я попросил его избавить мой слух от «классного», «не врубается» и «до лампочки». Он обещал. Дьякон по молодости горазд украшать свою речь словечками не самого высокого штиля, за что иногда и претерпевает от старшего духовенства. В воспитательных целях.

Прилетели. Два дня прошли в переездах: освящали и дома, и клинику, и машины. То Франция, то Швейцария, то снова Франция — там как-то все рядом, все перемешано... В каждом доме радушный обед, протокольные разговоры о ценах, калориях и холестерине... Нелепые судьбы, витиеватые жизни, иссыхающие русские души... И все оправдываются, сами себя убеждают в своей правоте. Одним не доставало понимания, другим — возможности развивать науку, третьим — жалованья.

Бывший университетский профессор объяснил свой переезд тем, что Россия кончилась. Правда, начал он с русской литературы. Сказал, что есть у него приятель — военный дипломат, полковник генштаба: человек образованный, неподкупный и даже верующий. Но случись сейчас кому-то писать «Войну и мир», Андрей Болконский с него не получится — лишь капитан Тушин, человек хоть и прекраснодушный, но простоватый, неутонченный, неаристократичный. А Болконских, Безуховых и Ростовых давно повыбили, истребили, их место заняли те, кого прежде и в курную избу не пустили бы, — местечковые куплетисты... Потому-то в русской литературе теперь одни мужики...

На третий день случился ваканс, и нам было предложено посетить дом-музей свободолобивого философа, могилу комика и памятник рок-музыканту.

Дьякон не по возрасту тяжело вздохнул:

— Ни одного приличного человека... То ли дело у нас: приедешь в Белгород — святитель Иоасаф Белгородский, в Питер — отец Иоанн Кронштадтский, Ксения Петербургская, в Ярославле, Тобольске, Астрахани, я уж не говорю про Москву, — везде свои люди... Они меня понимают, знают мои грехи, сочувствуют мне, за меня молятся... А тут — даже в земле ни одного приличного человека нету... Что же из такой земли может произрасти?.. Конечно, Александр Васильевич Суворов — человек духовный, не вынес, чесанул прямиком через горы...

— За «чесанул», — говорю, — десять поклонов.

Он парень спортивный, быстро совершил десять земных поклонов, и мы предложили сестре другой план: пусть она ответит нас в центр города и едет далее в свою клинику, а вечером созвонимся и встретимся.

И пошли мы, свободные люди, гулять по Женеве. В гражданском платье, конечно.

— Я же говорил: речка есть, — обрадовался дьякон. — А вон на мосту мужик рыбу ловит, надо спросить его...

Подходим. Пожилой простецки одетый дядечка достает из воды свою снасть, озабоченно осматривает нетронутую червяка и задумывается: похоже, у него не клюет. Дьякон спрашивает по-французски, какая здесь есть рыба и где есть магазин для рыболовов. Человек не понимает ни слова.

— У тебя, — говорю, — прононс, наверное, какой-то неправильный.

— У меня-то, — отвечает, — как раз самый правильный, я французскую спецшколу с серебряной медалью окончил, а вот у швейцарцев, может быть, прононс и неправильный.

Пока мы переговариваемся, человек напряженно вслушивается. Я повторяю вопросы по-английски — он снова мотает головой.

— А у вас как с прононсом? — уязвляет меня отец дьякон.

— Да какой там прононс, — говорю, — я уж не помню, когда и учился. Может, он по-немецки разговаривает... Ты какие-нибудь слова знаешь?

— Ну, фишер он и есть фишер...

— Кирхен, — говорю, — киндер, винтер...

— Короче, — сказал рыболову дьякон, — где нам достать это и это? — и ткнул пальцем в грузило и в червяка.

Тот вдруг как затараторит на непонятном наречии и указывает рукою вдоль набережной, потом куда-то налево.

— Ты кто есть? — говорит дьякон.

— Португал, — отвечает рыбак.

— Так бы сразу и сказал. Ну, по-португальски мы совсем не потянем...

— Подожди, — говорю, — он ведь вроде что-то по-русски понимает.

Португалец кивнул, наморщил лоб и сказал:

— Мой жена — русский.

Дьякон так возрадовался:

— Вот, сразу почувствовал, что он свой мужик: усатый, и фигура, как у духовного лица, расширяющаяся. Только вот словесностью не богат... У тебя давно жена русский?

— Один год.

— Тогда ничего, — согласился дьякон, — для первоклашки неплохо... Ну ладно, португалец, привет супруге, мы пойдем в рыболовный магазин...

А португалец вдруг говорит, что ходить в магазин не надо: рыба, дескать, совсем не клюет, а ходить надо в маленький итальянский ресторан, где собираются его земляки и поют хорошие песни.

По дороге выяснили, кто чем занимается. Он еще пару лет назад работал в Португалии на фабрике стройматериалов, поставлял товары в Россию. Познакомился с русской женщиной, оба вышли на пенсию и поселились неподалеку от Женевы, поскольку у его родной фабрики здесь есть представительство и оттого случается значительная подработка. Еще обсудили Фатимское чудо, за ним — футбол, наконец рыбалку, которая то и дело не задается, потому как ветер всегда меняется, а давление падает. Дальше уж не знали, о чем говорить, но тут подоспел рестораник: тихий, уютный, и народу — почти никого.

Дьякон пытался через португальца сделать заказ, даже ходил на кухню, чтобы выбрать блюда, а то названия все непонятные, и оскорбел:

— Дикая страна, — говорит, — нет ни водки, ни соленых огурцов, ни кислой капусты, а селедка — сладкая, хоть с чаем ее вместо варенья ешь... Куда мы попали?.. Причем водка в принципе есть, но — не сейчас, сейчас — только аперитив... Вечером можно, а сейчас нельзя... Надо просить разрешения у хозяина, а он неизвестно где... Да и водка дрянная — итальянская... Не понимаю: мы с вами — свободные, взрослые люди, честно отработали, хотим выпить по сто грамм водки... Ну, по сто пятьдесят... Не имеем права — днем не принято. И это называется «демократия»? Дикие люди! Придется глушить вино — выбирал португалец...

Потом собрался народ, и стали петь под гитару красивые португальские песни. Мы послушали, и дьякон говорит:

— Благословите, батюшка, я чего-нибудь сбачаю.

— Благословляю, но за «сбачаю» десять поклонов после победы.

— Это как?

— Ну не здесь же тебе лоб разбивать, а по возвращении...

Во время войны с летчиками так поступали: он натворит что-нибудь, а под арест его не посадишь — нужен в воздухе. Так и наказывали: пять там или десять суток ареста, но «после победы». И еще: без фокусов, никакого «папы над Тибром-рекой».

Последнее касалось известного нам обоим случая. Как-то наши собраты были направлены в Италию для совершения особо важного богослужения. После службы они вот так же зашли куда-то перекусить, и там устроилось песенное состязание с местными исполнителями. Отец протодиакон потряс всех мощью своего голоса: народ безудержно аплодировал, а одна старушенция разрыдалась. Ее утешать, а она в ответ, мол, тут даже папа Римский заплакал бы от восторга. И тогда отец протодиакон как заревет: «О чем, папа, плачешь?» И далее до конца. Хорошо, что никто из местных не понимал, — всем понравилось.

— Не будет папы, — неохотно пообещал дьякон.

И как начал он петь наши песни, а голос у него чистый, красивый, португальцы расчувствовались и давали в благодарность вино присылать. Так что вернулись мы с двумя ящиками.

Вот, собственно, и все развлечение: с португальцами, в итальянском ресторане, на тихой швейцарской улице. Назавтра улетали. Дьякон смотрел в окошко, и когда ярко-красные черепичные крыши Европы сменились под крылом унылым отечественным шифером, подвел итог путешествию:

— Погибла Россия или не погибла — одному Богу известно. А Европа с ее деньгами и обустроенностью — такая тухлятина! Никакой радости в этом нет...

— А в чем, — говорю, — есть?

И он, заработав попутно целую сотню поклонов, высказался в том смысле, что есть только три главных счастья: быть православным, жить в России и в России умереть.

Продолжение следует

Отмечник Настоятель киновии авва Мина рассказывал о святом папе Евлогии: «Однажды ночью, совершая в домовом храме епископии правило, он увидел стоящего близ него архидиакона Юлиана и изумился, что тот дерзнул войти без доклада. Однако святитель промолчал. Окончив псалмопение, он сделал земной поклон. То же самое сделал и явившийся ему в образе архидиакона. Поклонившись, папа встал, но тот оставался простертым на полу. «Докле же ты будешь лежать?» — сказал папа, обратившись к посетителю. «До тех пор, пока ты не прострешь руку и сам не поднимешь меня, — отвечал он, — я не могу встать». Тогда святитель протянул руку и поднял его. Потом продолжал славословие. Немного спустя, оглянувшись, он уже никого не увидел. По окончании утренних молитв он позвал своего келейника и спросил его: «Почему ты не сказал мне о приходе архидиакона, и он без доклада пришел ко мне, и притом ночью?» Келейник уверил, что он никого не видал и никто не входил. Не поверив ему, папа сказал: «Пойди позови сюда привратника». Привратник явился. Папа спросил его: «Не приходил ли сюда архидьякон Юлиан?» Тот с клятвой утверждал, что не приходил и не уходил. И только тогда папа успокоился. Утром явился архидьякон Юлиан для благословения. Папа спросил его: «Зачем ты, архидьякон, нарушил порядок и сегодня ночью пришел ко мне без доклада?» — «Молитвами твоими, Владыко, я не приходил сюда да и из дому вовсе не отлучался вплоть до этого часа». Тогда великий Евлогий понял, что ему являлся мученик Юлиан с целью побудить его воздвигнуть ему новый храм, потому что тот, что был, от времени уже разваливался. Почитатель мученика блаженный Евлогий с большой готовностью воздвиг новый храм и благолепно украсил его, как подобает храму мученика».

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в Главном редактор — настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97. г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!